

НАБАТЕИ В «БИБЛИОТЕКЕ» ДИОДОРА (XIX 94–100)*

В девятнадцатой книге Диодора (94–100.2) приводится рассказ о трех походах против набатеев, организованных Антигоном в 312 г.¹ Все три экспедиции успеха не принесли. Во главе первой стоял приближенный Антигона Афиной (94.1). Для нападения он выбрал момент, когда набатеи собрались на праздничную ярмарку (πανήγυρις), а свое основное имущество, стариков, жен и детей оставили ἐπί τῶος λέτρας (95.1). Многие ученые полагали, что речь здесь идет, по-видимому, о том самом месте, на котором позднее возник город набатеев Петра,² однако А. Негев приводит как будто убедительные доводы против идентификации упомянутой у Диодора скалы со столицей набатейского царства в более поздний период.³

Итак, воспользовавшись отсутствием мужчин, Афиной, овладев скалой, захватил там богатую добычу (много благовоний и 500 талантов серебра) и отправился назад (95.2–3). Однако набатеи, узнав о происшедшем, неожиданно напали на расположившийся лагерем отряд Афиная и почти полностью его истребили: спаслись лишь около 50 всадников (95.4–5). После этого набатеи отправили Антигону послание, в котором они обвиняли Афиная и оправдывали свои действия (96.1). В ответном послании Антигон снял с себя ответственность за нападение Афиная, утверждая, что тот действовал по собственной инициативе. Однако на деле Антигон подготовил новый поход против набатеев, руководить которым поручил своему сыну Деметрию (96.2–4). Деметрий, несмотря на все попытки, так и не смог захватить скалу, которую на этот раз защищал гарнизон (97.2). В конце концов он отступил от Петры, получив от набатеев дары и заложников (97.6–98.1). На обратном пути он познакомился с Мертвым морем, возле которого разбил лагерь (98.1). Далее в этой главе следует описание Мертвого моря и его окрестностей, а в следующей главе описывается добыча асфальта, поднимающегося со дна Мертвого моря. Согласно Диодору, и этот поход нельзя рассматривать как успешный: Антигон был недоволен соглашением, которое Деметрий заключил с набатеями и заявил, что варвары,

* Статья написана при финансовой поддержке РФНФ в рамках проекта № 02-04-00095а.

не понеся наказания, станут еще более дерзкими (100.1). С другой стороны, он похвалил Деметрия за сведения о Мертвом море и за то, что он открыл новый источник доходов — асфальт. Установить контроль за добычей асфальта Антигон поручил Иерониму из Кардии (там же). Однако и этот поход не оправдал ожиданий Антигона. Отряд Иеронима столкнулся с шестью тысячами арабов и был почти полностью истреблен стрельбой из луков (100.2).⁴

Экскурс о набатеях у Диодора состоит из трех частей. В нем можно выделить описание образа жизни набатеев, представляющее собой небольшой этнографический очерк (94.2–10). Больше по объему подробный рассказ о первых двух походах против набатеев (95–98). Наконец, отдельную часть представляет описание Мертвого моря (98–99) и краткое сообщение о неудаче экспедиции Иеронима (100.2).

Предметом рассмотрения в настоящей статье будет этнографический очерк. Он начинается следующим образом: (2) χρήσιμον δ' ἐστὶ τῶν ἀγνοούντων ἕνεκα διελθεῖν τὰ νόμιμα τῶν Ἀράβων τούτων, οἷς χρώμενοι δοκοῦσι τὴν ἐλευθερίαν διαφυλάττεν. ἔχουσι τοίνυν τὸν βίον ὑπαίθριον, πατρίδα καλοῦντες τὴν ἀοίκητον τὴν μήτε ποταμοὺς ἔχουσαν μήτε κρήνας δαψιλεῖς ἐξ ὧν δυνατὸν στρατόπεδον πολέμιον ὑδρεύσασθαι. (3) νόμος δ' ἐστὶν αὐτοῖς μήτε σῖτον σπεῖρειν μήτε φυτεῦειν μηδὲν φυτὸν καρποφόρον μήτε οἴνω χρᾶσθαι μήτε οἰκίαν κατασκευάζειν. ὅς δ' ἂν παρὰ ταῦτα ποιῶν εὐρίσκηται, θάνατον αὐτῷ πρόστιμον εἶναι. (4) χρῶνται δὲ τῷ νόμῳ τούτῳ διαλαμβάνοντες τοὺς ταῦτα κτωμένους ἀναγκασθήσεσθαι ῥαδίως ὑπὸ τῶν δυνατῶν ἕνεκα τῆς τούτων χρείας ποιεῖν τὸ προστασσομένον (XIX 94.2–4) — «Об установлениях этих арабов, с помощью которых им удастся сохранять свою свободу, стоит рассказать тем, кто о них не слышал. Так вот, они живут под открытым небом, называя своей отчизной землю, не имеющую домов, лишённую рек и обильных источников, из которых вражеское войско могло бы получить воду. У них есть закон — ни хлеба не сеять, ни каких-либо других растений, приносящих плоды, не употреблять вино и не строить дома; а если выяснится, что кто-то нарушает этот закон, то он должен быть наказан смертью. Они соблюдают этот закон, исходя из того, что те люди, у которых все это имеется, будут склонны подчиняться более могущественным врагам, не желая лишиться своих благ».

И далее Диодор подчеркивает свободолобие набатеев: φιλελευθεροὶ δὲ εἰσι διαφερόντως καὶ ὅταν πολεμίῳ δύνανται ἀδρᾶ προσίη, φεύγουσιν εἰς τὴν ἔρημον, ταύτη χρώμενοι ὀχυρώματι (94.6) — «они очень

свободолюбивы и, когда на них нападает сильное вражеское войско, удаляются в свою пустыню, используя ее как убежище». Затем Диодор поясняет, каким образом пустыня обеспечивает набатеям безопасность: оказывается, там у них в определенных местах имеются подземные резервуары с водой. Эти места известны только набатеям (94.6–8). Таким образом, для всех остальных эта пустыня «непроходима» (ἀνεπίβατος — 94.6).

Итак, согласно Диодору, набатеям удается сохранять свою свободу благодаря кочевому образу жизни. Это прямо выражено несколько ниже: οὐ γὰρ ῥαδίον ἦν ἀνευ δόλου τινὸς ἀνδρῶν περιγενέσθαι νομάδα βίον ἐζηλωχότων καὶ καταφυγὴν ἀπρόσιτον ἐχόντων τὴν ἔρημον (96.2 ad fin.) — «ведь нелегко было победить, не применяя хитрость, тех, кто строго придерживался кочевого образа жизни и в качестве неприступного убежища использовал эту пустыню».

О степени достоверности рассказа Диодора (Иеронима) высказывались различные мнения. Так, Ф. Якоби отмечал живость и наглядность изложения Иеронима.⁵ Ф. Альтхайм и Р. Штиль явно воспринимают рассказ о набатеях как в целом достоверный, строя на нем свое изложение.⁶ Такой подход вызвал критику со стороны автора рецензии на труд Альтхайма и Штиль, подписанной лишь инициалами Г. К.⁷ По его мнению, в основе первой части рассказа Диодора, небольшого этнографического очерка, лежит «своего рода стандарт описания кочевников в греко-римской литературе, равно приложимый ко всем племенам, и лишь немногие элементы описания обладают локальной окраской (например, указания о том, на каком расстоянии от населенных мест укрывают своих стариков, детей и имущество набатеев во время торжищ). Последняя часть, где сообщается, как собирается асфальт на Мертвом море, как он продается в Египте, о столкновении греков и набатеев, в своей основе легендарна, несмотря на то, что данный сюжет был очень распространен в античной литературе»⁸. В итоге Г. К. приходит к следующему выводу: «весь рассказ состоит из ядра (повествование о двух попытках Антигона покорить набатеев) и двух обрамляющих его отрывков. Первый из них отчасти легендарен, отчасти стереотипен (он построен по общим принципам описания быта кочевников), завершается же рассказ совершенно легендарным отрывком. Из сказанного ясно, что рассказ Диодора... нельзя воспринимать как чисто исторический, а именно это и делает Ф. Альтхайм»⁹.

В какой-то мере сходную позицию занимает А. М. Хазанов в сво-

ей книге, представляющей собой попытку сравнительно-исторического изучения кочевых обществ, и прежде всего взаимоотношений кочевников с окружающим их миром. По его мнению, древние авторы, как правило, довольствовались стандартными описаниями образа жизни кочевников, повторяя их иногда почти дословно. В качестве примеров таких описаний Хазанов указывает, в частности, на оценку, которую Геродот дает скифам (IV. 46) и на интересующее нас описание образа жизни набатеев.¹⁰

В надежности сведений Диодора сомневается также Д. Граф.¹¹ Он отмечает, что многие ученые рассматривают изложение Иеронима как вполне достоверный и надежный рассказ очевидца, так как возможно, что он не только возглавлял поход к Мертвому морю, но и участвовал в двух первых походах. Однако Д. Граф не склонен разделять такой подход. По его мнению, описанию набатеев как кочевников у Диодора-Иеронима противоречит ряд деталей в том же рассказе. Изображению их хозяйства как чисто кочевого противоречат сведения об их участии в торговле асфальтом Мертвого моря (II 48.6, XIX 99.4), об участии в качестве посредников в торговле благовониями (XIX 94.5), об их искусстве в создании резервуаров воды (94.6–9) и умении писать *Συρίως ὑράματα* (96.1), т. е. по-арамейски. Поэтому Д. Граф призывает при воссоздании ранней истории набатеев больше полагаться на документальные источники, чем на изложение Диодора-Иеронима.

Между тем там, где мы можем как-то проверить сведения Диодора, они оказываются достоверными. Так, нашло археологическое подтверждение сообщение об устройстве набатеями потайных резервуаров воды.¹² Вполне достоверно также описание Мертвого моря и происходивших там и наблюдающихся до сих пор выбросов асфальта.¹³ Не внушает сомнений и сообщение Диодора о том, что набатеи контролировали добычу асфальта на Мертвом море и получали от его продажи большой доход (XIX 99.4 и II 48.6).¹⁴ Спорным является утверждение, что набатеи продавали асфальт в Египет для использования при бальзамировании (XIX 99.4).¹⁵ Однако Дж. Хорнблауэр приводит убедительные соображения в пользу того, что и это сообщение может отражать действительное положение дел.¹⁶

Интерес вызывает утверждение Диодора об отказе набатеев от вина (94.3). А. Негев связывает это установление с кочевым образом жизни набатеев. «Причина этого запрета очевидна, — пишет он. — В то время как возделывание злаков не вынуждает крестьянина про-

водить все время на своем участке, виноградарь становится фактически рабом своего надела, так как культура винограда требует его внимания круглый год».¹⁷ Это объяснение представляется вполне убедительным.¹⁸ Отметим дополнительно следующее обстоятельство. О запрете на вино Диодор говорит как об одной из составных частей того «закона» набатеев, целью которого было сохранение кочевого образа жизни (94.3). Таким образом, запрет на вино связан с поддержанием кочевого образа жизни уже в нашем источнике. Совершенно справедливо Негев, вслед за многочисленными предшественниками, указывает на сходство между набатеями и ветхозаветными рехавитами.¹⁹ Приверженцы этой секты вели кочевой образ жизни и у них, как и у набатеев, существовал запрет как на занятие земледелием и проживание в домах, так и на производство и употребление вина (Jer. 35: 6–10).²⁰

По-видимому, в нашем распоряжении имеется независимое подтверждение свидетельства Диодора. Один из богов набатейского пантеона, Шай'ал-Каум, охарактеризован в пальмирской надписи 132 г. н. э. (CIS II 3973) как «the good and bountiful god who does not drink wine».²¹ Наличие у набатеев бога, который был противником винопития, ученые давно сопоставили с утверждением Диодора.²² Хотя бесспорные свидетельства о Шай'ал-Кауме относятся лишь к I–II вв. н. э., он, очевидно, уже был одним из богов набатеев в описываемую Диодором эпоху.²³ А. Негев справедливо, как я полагаю, связывает отказ от производства вина со стремлением к сохранению кочевого образа жизни. Однако у Диодора говорится о запрете не только на производство, но и на употребление вина. Очевидно, именно с отказом от винопития связан культ Шай'ал-Каума. Таким образом, пальмирская надпись, по-видимому, не только подтверждает, но и дополняет сообщение Диодора. Комбинация сведений Диодора и свидетельства надписи представляется оправданной и по общим соображениям: этнографические параллели показывают, что попытки отказа от алкоголя нуждаются в религиозной санкции.²⁴ И так, с древности у арабов существовала традиция отказа от вина, и Мухаммед выступил как ее продолжатель.²⁵

В связи с вопросом о степени достоверности изложения Диодора рассмотрим подробнее приведенный выше *νόμος* набатеев (94.3). Я нахожу в этом отрывке замечательное и, кажется, уникальное в античной письменной традиции отражение свойственной кочевникам разных эпох и этнической принадлежности тенденции к сохранению и поддержанию кочевого образа жизни. А. М. Хазанов в своей

книге на этой тенденции не останавливается. Между тем она имеет существенное значение, определенным образом формируя отношение кочевников к окружающему их оседлому миру. Некоторые ее проявления отражены и у других античных авторов. Так, Аммиан Марцеллин сообщает следующее о нравах кочевников-гуннов: *aedificiis nullis umquam tecti... peregre tecta nisi adigente maxima necessitate non subeunt; nec enim se tutos exisitimant esse sub tectis* (XXXI 2, 4) — «Они никогда не находятся под кровом каких-либо зданий... на чужбине они заходят в дома только в случае крайней необходимости, потому что они не считают себя в безопасности под их кровом». Яркие примеры стремления кочевников, прежде всего верхушки, к сохранению своего образа жизни приводит на материале северной Аравии Нового времени А. И. Першиц. Так, у полуседлых племен шейхские семьи и роды стремились, сохраняя бедуинский образ жизни, как можно дольше остаться настоящими кочевниками. Шейхи земледельческих племен продолжали жить в палатках, в то время как их подданные обитали в хижинах. Кочевые шейхи, даже превратившись в правителей оседлых районов, длительное время продолжали придерживаться бедуинского образа жизни. Например, эмиры племени бану халид не жили в своей столице, а продолжали обитать в пустыне, в бедуинских шатрах. У главных шейхов племени мунтафик существовал обычай, запрещавший им входить в находившийся под их властью город. Более того, они не могли вступать ногой в какое бы то ни было здание.²⁶

Я хотел бы подчеркнуть двойственное отношение кочевников к оседлому образу жизни. Наряду с презрением к оседлому населению и признанием некоторых преимуществ кочевого образа жизни цивилизация оседлых народов обладает для кочевников притягательной силой.²⁷ Очевидно, что стремление к поддержанию кочевого образа жизни следует рассматривать как следствие обеих этих установок. Другими словами, это не только попытка удержать то ценное, чем обладают кочевники, но и стремление не поддаться «чарам цивилизации»,²⁸ попытка противостоять тенденции к оседанию.²⁹ Яркую иллюстрацию нежелания уже осевших на землю кочевников полностью расстаться с обычаями своего прежнего образа жизни мы находим в конце этнографического очерка Диодора о набатеях: *ἔστι δὲ καὶ ἄλλα γένη τῶν Ἀράβων, ὧν ἕνα καὶ γεωργεῖ μὲνόμενα τοῖς φορολογουμένοις καὶ μετέχει τῶν αὐτῶν τοῖς Σύροις πλὴν τοῦ κατὰσκηνοῦν ἐν οἰκίαις* (94.10) — «Есть и другие племена арабов, некоторые из которых даже обрабатывают землю, смешиваясь с

плательщиками подати и в целом придерживаются тех же обычаев, что и сирийцы, за исключением того, что не живут в домах».

Таким образом, сообщение Диодора о «законе» набатеев следует воспринимать всерьез. Очевидно, набатеи пытались сохранить кочевой образ жизни, обеспечивавший им определенные преимущества. С другой стороны, эти меры следует, по-видимому, объяснить и как противодействие стремлению к оседанию. По крайней мере в эпоху Страбона набатеи (или их часть) уже ведут оседлый образ жизни: они живут в каменных домах и пьют вино на симпозиях, причем его количество ограничивается одиннадцатью кубками (Strab., XVI 4. 26, С 783).

Итак, вопреки Г. К., в рассказе Диодора о набатеях отсутствуют заведомо недостоверные или легендарные сведения.³⁰ Неосновательно и высказанное Г. К. столь категорично и в какой-то мере разделяемое А. М. Хазановым мнение, согласно которому Диодор в набатейском экскурсе преподносит нам «стереотипное» или «стандартное» описание кочевников. Напротив, как я пытался показать, из античных авторов только у Диодора ярко отражено характерное прежде всего для верхушки кочевых обществ стремление к поддержанию своего образа жизни. Нельзя согласиться и с Д. Графом в том, что ряд сведений о набатеях противоречит их икообразию как кочевников. Те занятия или навыки, на которые он указывает, как видно на примере самых разных кочевых обществ различных эпох, вполне совместимы с кочевым образом жизни.

Таким образом, правы те ученые, которые признают набатейский экскурс Диодора в целом весьма достоверным. Именно такого взгляда придерживаются Дж. Хорнблауэр,³¹ Г. Бауэрсок.³² А. Негев отмечает очевидную аутентичность изложения Диодора и отсутствие в нем интерполяций и анахронистических контаминаций.³³

В то же время в рассказе Диодора присутствует также иная тенденция. Особенно показательна речь, с которой к Деметрию после его неудачных попыток овладеть скалой обратился один из набатеев (97.3–5). Свободолюбивые набатеи противопоставлены в ней алчным завоевателям. Дж. Хорнблауэр считает, что набатеи используются для иллюстрации «свободы»³⁴ и обращает внимание на то, что в речи набатея (97.3–5) противопоставлены властолюбие завоевателя и свободолюбие набатеев.³⁵ В итоге она приходит к тому, что в набатейском экскурсе, в целом реалистическом, присутствует «идеализирующий фон».³⁶ Очевидно, в рассказе Диодора присутствуют

две тенденции изображения набатеев: реалистическая (явно преобладающая) и идеализирующая,³⁷ и противоречия в описании набатеев у Диодора следует объяснять наличием двух противоречивых тенденций. В частности, Дж. Хорнблауэр совершенно справедливо усматривает в обращенной к Деметрию речи набатея элементы идеализации. И так, в рамках в целом вполне достоверного рассказа Диодора ощущается некоторая идеализация кочевого образа жизни набатеев и даже любования им.

Между тем некоторые противоречия в рассказе действительно имеются. Так, набатеи изображаются достаточно состоятельными, по крайней мере о них говорится, что богатством они намного превосходят остальные арабские племена: οὐκ ὀλίγων δ' ὄντων Ἀραβικῶν ἐθνῶν τῶν τὴν ἔρημον ἐπινεμόντων οὗτοι πολὺ τῶν ἄλλων προέχουσι τοῖς εὐλορίας (94.4). Афиней захватил у набатеев большое количество ладана и мирры и около 500 талантов серебра (95.3). В то же время в обращенной к Деметрию речи набатея говорится, что в их земле нет ничего, чем пользуются другие люди, и образ их жизни охарактеризован как βίος θηριώδης (97.4).

Еще Ф. Якоби отметил, что рассказ Иеронима построен как какой-нибудь геродотовский логос, например эфиопский.³⁸ О. Меррей, ссылаясь на Якоби, также полагает, что изложение Иеронима построено по образцу геродотовского логоса, а именно подробное описание обычаев арабов предшествует рассказу о военных действиях.³⁹ Дж. Хорнблауэр также уверена, что образцом для Иеронима, поместившего этнографический экскурс о набатеях перед описанием военных действий, послужил Геродот.⁴⁰ Д. Граф присоединяется к этой точке зрения.⁴¹ Более того, он полагает, что зависимость от Геродота, не ограничиваясь композицией, сказывается и на содержании набатейского экскурса и сравнивает его со скифским логосом Геродота. Геродот делает упор на «свободу» кочевников-скифов. Д. Граф как будто предполагает, что и Иероним под влиянием Геродота изображает набатеев в большей степени кочевниками, чем они были на самом деле.⁴²

Влияние Геродота, а именно скифского логоса, на описание набатеев кажется вполне вероятным. С другой стороны, его трудно доказать, так как отсутствуют какие-либо убедительные или тем более бесспорные признаки такого влияния. В то же время у нас есть все основания считать, что источником Диодора здесь был Иероним. Он сам потерпел поражение, пытаясь заполучить асфальт на Мертвом море: его победителей Диодор называет οἱ Ἀραβες (100.2),

и, скорее всего, это были набатеи. Рассказ о двух предыдущих походах настолько жив и нагляден, что, если сам Иероним не был их участником, то у него были хорошие источники. Очевидно, что в основе его изложения лежали либо собственные наблюдения, либо сведения очевидцев. Таким образом, набатейский экскурс демонстрирует, как в рамках вполне реалистического изложения может содержаться идеализирующая тенденция. И в этом отношении набатейский экскурс действительно является параллелью к скифскому логосу Геродота. В обоих случаях успешное отстаивание кочевниками своей свободы приводит к тому, что в рассказ о них проникает идеализирующая тенденция или элементы идеализации. Геродот приписывает скифам «изобретение» кочевого образа жизни. Иероним, по-видимому, преувеличивая действительно существовавшее у набатеев стремление к поддержанию кочевого образа жизни, представляет его в виде «закона», карающего слушников смертной казнью. С другой стороны, очевиден контраст между скифским логосом Геродота или набатейским экскурсом Диодора и описанием скифов Эфора. Радикальная идеализация, как у Эфора, предполагает такой отрыв от действительности, какого, конечно, нет у Геродота или Иеронима.

Примечания

¹ Практически все ученые согласны в том, что источником набатейского экскурса Диодора был исторический труд Иеронима из Кардии, современника и участника этих событий. См.: *Schwartz E. Diodoros // Realencyclopädie*. Bd 5. Sp. 684–685; *Jacoby F. Hieronymos // Realencyclopädie*. 1913. Bd VIII 2. Sp. 1559; *Altheim F., Stiehl R. Die Araber in der Alten Welt*. Bd 1. Berlin, 1964. S. 31; *Hornblower J. Hieronymus of Cardia*. Oxford, 1981. P. 47; *Bowersock G. W. Roman Arabia*. Cambridge (Mass.), 1983. P. 12; ср.: *Шуфман И. III. Nabateйское государство и его культура*. М., 1976. С. 7.

² См.: *Altheim F., Stiehl R. Die Araber*... S. 34; *Bowersock G. W. Roman Arabia*. P. 13; *Bartlett J. R. From Edomites to Nabataeans: The problem of continuity // ARAM*. 1990. Vol. 2. N 1–2. The Nabataeans: 1st International Conference. P. 32–33. А. Громанн полагал, что это место уже тогда было перевалочным пунктом для благовоний, которые поступали из *Arabia felix*: см. *Grohmann A. Nabataioi // Realencyclopädie*. Bd XVI–2. 1935. Sp. 1456. На возможность такой идентификации указывает Фр. Бизьер, см.: *Diodore de Sicile: Bibliothèque historique*. L. XIX. Texte établi et traduit par Françoise Bizière. Paris, 1975. P. 129, not. 3.

³ См.: *Negev A. The Nabateans and the Provincia Arabia // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. 1977. Bd II–8. P. 526–527. Дж. Хорнблауэр полагает, что Негев, возможно, прав, см.: *Hornblower J. Hieronymus*... P. 148, not. 184.

⁴ Противники отряда Иеронима названы у Диодора οἱ Ἀραβες (100.2), а те, кто контролирует добычу и продажу асфальта — οἱ βάρβαροι (99.4). В то же

время в описании Мертвого моря во второй книге Диодора, представляющем собой дублет рассказа о Мертвом море и его окрестностях в XIX 98–99, говорится о контроле именно набатеев за добычей и продажей асфальта (II 48.6). Таким образом, по-видимому, и третий поход был направлен против набатеев. Ср.: *Hölscher G. Petra // Realencyclopädie. Bd XIX. 1938. Sp. 1172; Hornblower J. Hieronymus... P. 149–150.*

⁵ *Jacoby F. Hieronymos // Realencyclopädie. Bd VIII–2. 1913. Sp. 1559.*

⁶ *Altheim F., Stiehl R. Die Araber... S. 31–34.*

⁷ Рецензию Г. К. см.: Вестник древней истории. 1969. № 2. С. 142–147.

⁸ Там же. С. 144.

⁹ Там же.

¹⁰ См.: *Khazanov A. M. Nomads and the outside world. Cambridge, 1984. P. 8.*

¹¹ См.: *Graf D. F. The origin of the Nabataeans // ARAM. 1990. Vol. 2. N 1–2. The Nabataeans: 1st International Conference. P. 51–53.*

¹² См.: *Hornblower J. Hieronymus... P. 147; Bowersock G. W. Roman Arabia. P. 16.*

¹³ См.: *Ibid. P. 147–149.*

¹⁴ Ср.: *Hölscher G. Petra // Realencyclopädie. Bd XIX. 1938. Sp. 1172.*

¹⁵ Б. Эк отмечает различное отношение ученых к этому утверждению, см.: *Diodore de Sicile: Bibliothèque historique. Livre II. Texte établi et traduit par Bernard Eck. Paris, 2003. P. 85, not. 1.*

¹⁶ *Hornblower J. Hieronymus... P. 149–150.*

¹⁷ *Negev A. The Nabateans... P. 528.*

¹⁸ На возможность такого объяснения указывает также Дж. Хили, см.: *Healey J. F. The religion of the Nabataeans. Leiden, 2001. P. 147.*

¹⁹ *Negev A. The Nabateans... P. 528; ср.: Шифман И. Ш. Набатейское государство... С. 97–98; Bartlett J. From Edomites to Nabataeans: the problem of continuity // ARAM. 1990. Vol. 2. N 1–2. The Nabataeans: 1st International Conference. P. 33.*

²⁰ Об изображении в Ветхом Завете кочевой жизни как идеала и в этой связи о рехавитах, см.: *Albright W. F. Primitivism in Ancient Western Asia // Lovejoy A. O., Voas G. Primitivism and related ideas in antiquity. Baltimore, 1935. P. 429–431. Эта идеализация, по мнению Олбрайта, объясняется тем, что древние евреи сохраняли память о полукошачевом образе жизни своих предков (ibid.).*

²¹ Привожу перевод с арамейского Дж. Хили, см.: *Healey J. F. The religion of the Nabataeans. P. 145.*

²² *Clermont-Ganneau Ch. Recueil d'archéologie orientale. T. 4. Paris, 1901. P. 396.*

²³ См.: *Knauf E. A. Dushara and Shai'al-Qaum // ARAM. 1990. Vol. 2. N 1–2. P. 177–179.*

²⁴ См. об этом: *Тастаджян С. А. Цезарь об отказе нервий и свебов от вина // Нурегореус. 2001. Vol. 7. Fasc. 1–2. P. 226–227, 230, 236.*

²⁵ *Knauf E. A. Dushara and Shai'al-Qaum. P. 178. Дж. Хили, отмечая, что религия набатеев некоторыми своими чертами предвосхищает ислам, упоминает в этой связи запрет на употребление вина, см.: Healey J. F. The religion of the Nabataeans. P. 191–192.*

²⁶ См.: *Першиц А. И. Хозяйство и общественно-политический строй северной Аравии в XIX — первой трети XX в. М., 1961. С. 144. Н. Н. Крадин отмечает стремление кочевников сохранять свой образ жизни, см.: Крадин Н. Н. Имперская конфедерация хунну: социальная организация суперсложного вожества*

// Ранние формы социальной организации / Под ред. В. А. Попова. СПб., 2000. С. 204–205.

²⁷ На наличие такой тяги указывал Ибн Халдун, см.: *Rosenthal F. The Muqaddimah // Ibn Khaldūn. The Muqaddimah / Transl. by F. Rosenthal. Vol. 1. New York, 1958. P. LXXXII; Баццеева С. М. Историко-социологический трактат Ибн Халдуна «Мукаддима». М., 1965. С. 166, 182.*

²⁸ Исползую выражение А. Тойнби, см.: *Toynbee A. J. A Study of History. Vol. 3. London, 1935. P. 429: «the charms of the civilizations».*

²⁹ Некоторые соображения о тенденции кочевников к оседанию и одновременно о факторах, которые ей препятствуют, см. в статье: *Марков Г. Е. Оседание кочевников и формирование у них территориальных общностей // Расы и народы (ежегодник). 1974. Вып. 4. С. 31–33.*

³⁰ Удивительнее всего то, что Г. К. объявляет «совершенно легендарным» рассказ о последней из трех экспедиций (100.2). Ведь Диодор сообщает, что Антигон поставил Иеронима во главе посланного к Мертвому морю отряда, и здесь прежде всего в основе изложения Диодора должен лежать достоверный рассказ очевидца.

³¹ *Hornblower J. Hieronymus... P. 144, 146–150, 153.*

³² *Bowersock G. W. Roman Arabia. P. 12–14.*

³³ *Negev A. The Nabateans... P. 529.*

³⁴ Там же. С. 153.

³⁵ Там же. С. 177. Г. Бауэрсок также отмечает, что рассказ Диодора подчеркивает свободолобие набатеев; см.: *Bowersock G. W. Roman Arabia. С. 16.*

³⁶ Там же. С. 178.

³⁷ Здесь мы опираемся на вывод Дж. Хорнблауэр: см.: *Hornblower J. Hieronymus... P. 178.*

³⁸ *Jacoby F. Hieronymos // RE. Bd VIII–2. 1913. Sp. 1559.*

³⁹ *Murray O. Herodotus and hellenistic culture // The Classical Quarterly. 1972. Vol. 22. N 2. P. 210.*

⁴⁰ *Hornblower J. Hieronymus... P. 144.*

⁴¹ *Graf D. F. The origin of the Nabataeans... P. 52.*

⁴² Эта мысль выражена у Д. Графа не вполне отчетливо; см.: Там же. P. 51–52.